

«ПРИ ПЕРВОМ ЖЕ СЛУЧАЕ АДАМ ВСЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СВАЛИЛ НА
ЖЕНЩИНУ»*

**(Реплика на статью В. Ерофеева «Почему дешевают
русские красавицы?»)**

Только накануне вечером, в среду, прослушав передачу «Апокриф» с уважаемым автором романа «Русская красавица», посвященную теме «Обида», я сказала своему мужу-феминисту: «Хорошо, что хоть иногда “Культура” дает более менее “умные” передачи. И ведущий мне представляется пытливым и цивилизованным автором».

А поутру после прочтения статьи В. Ерофеева «Почему дешевают русские красавицы?», руки «зачесались» и сами потянулись к компьютеру, чтобы среагировать на нее. Не уж-то я ошиблась? Неужели мне остается лишь обижаться? А может, автор статьи и ведущий «Апокрифа» — разные люди? Так и хочется воскликнуть: «Как давно Вы были в “российской избе” и в какой из них, и в какой стороне пришлось побывать, чтобы судить о всех ее обитательницах?».

Автор ставит вопрос и дает свой ответ, попутно размышляя глобально о всех российских женщинах, их природе и качестве. Что же, это его право. Я тоже обладаю правом сказать, что я думаю по этому поводу.

Цинично, тем более, что по утверждению автора это качество уже «родовой признак современной россиянки», берем быка за рога и обращаем внимание на вердикт автора:

«На общественной сцене возникает новый тип женщины, которую легко купить за приличные деньги, но которая дешевет в человеческом измерении. Не обладая моральными ценностями, женщина путается в понятиях, сбивается с толку. Она дорого продается, но дешево покупается. Она по-прежнему мечтает о вечной любви, но в ее ожидании она доступна и взаимозаменяема. Она лишается таких качеств, как самопожертвование... Она любит, пока ей интересно. Однако с ней уже неинтересно».

Иными словами, «новый тип» женщины, по Ерофееву, это такой тип, для которого характерны:

1) продажность («за приличные деньги» — это сколько?) и доступность (в перерывах между мечтой о вечной любви);

2) аморальность, безграмотность даже в понятиях;

3) комплекс неполноценности (переоценка себя);

4) бесплодная мечтательность (наследница Ноздрева);

5) отрицание самопожертвования.

Но при этом она имеет свой интерес и любит, пока ей интересно.

Вот так «психологический компот»! Сказать «противоречивость» характеристики — ничего не сказать. Ясно, что здесь отражен растерянный взгляд на современных женщин самого автора как, в определенном смысле, типичного представителя бывшего советского, нынешнего российского мужского рода — лишь части человечества.

© Шведова Н. А., 2007

* Слова принадлежат Нэнси Астор (1879—1964) виконтессе, первой женщине, избранной в британский парламент.

Мне представляется, что это не россиянка «путается в понятиях и сбивается с толку», а Вы, Уважаемый автор!

Впрочем, к сожалению, многим любителям «детектива» в общении с женщинами проникнуть в «тайну» современной женщины пока не удалось со своим устаревшим понятийным аппаратом, изъеденным «молью предрассудков и гендерных стереотипов». *(Представляю, как «разгневит» термин «гендерный»!!)*

Вот и появляется утверждение о том, что «мужчина не знает, кого в ней любить». А кто ему мешает хоть изредка подумать и попытаться понять? И другое утверждение: «Мужчина любит в женщине тайну, а не моральный переполох». Разве это аксиома? Трюизм — да! Разве каждый человек не есть тайна — будь то мужчина или женщина? Разве не интересно, развивая отношения, открывать друг в друге «тайну»? И все ли мужчины — любители «детективов», а все женщины — поклонницы плакатного жанра?

На каждой строчке читая возникают вопросы... вопросы... и вопросы...

Что служит основанием для утверждения о том, что новый тип женщины «легко купить за приличные деньги» (кстати, сколько это — «приличные деньги»?) и что она, россиянка, «дешевеет в человеческом измерении»? Это следует из новостей цюрихской газеты и борделей? Похоже, что материалом для автора к утверждению о вырождении российских женщин служит информация работников цюрихских клубов. Скажем прямо — узкая база для таких глобальных умозаключений.

Что заставляет ее, россиянку, по-прежнему мечтать о «большой и светлой» любви и тут же, как пишет автор, «задешево продаваться» и быть «похотливой»? Есть среди женского пола такие, которые заслуживают предпочтение. По свидетельству автора, «девушка на пороге совершеннолетия выгодно отличается от тридцатилетних гедонисток с обмякшим бюстом». *Невольно, перефразируя его, воскликнешь: «Помилуйте, Батенька! При нынешнем уровне применения силикона, развития пластической хирургии — “тридцатилетняя” и “обмякший бюст”!» Да говорящего такое легче всего «заподозрить во фригидности», т. е. применительно к мужскому полу — в «импотенции». Но я не готова так восклицать, поскольку нужна более широкая база для анализа.*

Опять вопрос: почему она, россиянка, не должна любить, пока ей интересно, и не прекращать эту любовь тогда, когда ей она стала не интересной? Верно, под «интересом» понимается что-то иное, чем я это вижу. Мне представляется, что если это «интерес» одной личности к другой, то он является магистральным путем к гармонии и уж точно уходу от рабского статуса «наложницы-содержанки». Для меня это — признак достоинства личности, самостоятельности и реализованного права на «выбор».

«Как правило, она преувеличивает свою красоту и оказывается очень требовательной», — пишет автор. «Требовательной» — вот на самом деле ключевое слово, отражающее настороженность, мужской переполох и страх, который сковал мужчину, не знающего как теперь себя вести в изменившихся условиях, когда женщина предъявляет и качественные критерии к мужской личности. Правда, этот страх не нов. В этом контексте принято пугать «феминизмом» и феминистками, которых, как правило, рисуют мужененавистницами или лесбиянками, что есть, мягко говоря, распространение кривды. Уже в 1913 году Ребекка Уэст (США) писала: «Мне так и не известно, что такое феминизм, но всякий раз, когда я не позволяю вытирать о себя ноги, меня называют феминисткой».

«Русской девушке нравятся взрослые мужчины, "папики"», — учит нас статья. С тем же успехом и по этой же логике можно утверждать, что всем российским мужчинам, независимо от возраста, нравятся «мамки», правда, последние должны быть разнообразными, что зависит от степени «неразвитости» вкуса, по возрасту, по цвету, по

весу и так далее. Однако их функциональная суть схожа: утешать, ублажать, утирать «носик», а если журить, то по-матерински...

«Чем богаче страна, тем меньше “неравных браков”» — тезис автора. А вот это действительно правда: в цивилизованных странах, где существует гендерное равенство или четко выраженная векторная направляющая к этой цели, неравных браков меньше, поскольку в цивилизованном, демократическом обществе и мужчины, а главное, и сами женщины осознали, что лучший защитник женщины — ее кошелек, наполненный не «папиком», а в результате собственного созидательного и профессионального труда, помогающего самовыразиться личности и принести пользу себе, детям, семье и мужу, а в целом и своей стране. Вот так-то!!

«Русские мужчины отвечают на это лолитизацией своих желаний. В конце концов, законное право... Но это и есть признак женской девальвации», — заявляет автор. Ну уж нет!!! Это признак не женской девальвации, а кричащий признак дальнейшей девальвации мужчин как группы населения, живущей в условиях практически узаконенной дискриминации по признаку пола, или, как выразились бы ученые, в обществе гендерного дисбаланса. Это действие патриархатного бумеранга!

Какой такой «закон» дает вышеуказанное право мужчине на «лолитизацию»? На каких философских принципах он основан? Я догадываюсь, что этот закон — патриархат (напомним: патриархат — господство мужчин над женщинами. *Традиционное общество — это социальное устройство, в котором патриархат является узаконенной системой отношений между мужчинами и женщинами. Иерархия мужской и женской ролей четко зафиксирована: Он — субъект властных отношений, а Она — объект его власти*). Традиционное общество, которое зиждется на патриархате, живуче по многим причинам, возможно, главную среди них с предельной точностью выразила Симона де Бовуар, французская писательница, автор книги «Второй пол»: «Самый заурядный мужчина чувствует себя полубогом в сравнении с женщиной». А Инна Гофф, писательница, автор песни «Русское поле», сказала: «Некоторые жены говорят о своих мужьях, словно держат в своем доме крупное капризное животное: “Он этого есть не будет”. Или: “Его оттуда не вытащишь. Я звала, а он уперся — и ни в какую...”». С прискорбием следует отметить, что такие высказывания почти типичны для традиционного общества.

«Нынешнее поколение молодых женщин поставлено перед болезненными проблемами. Не хватает мужчин, которые способны обеспечить женщине нормальную жизнь», — сетует автор строк, наверно даже сочувствуя и неравнодушно взирая на ситуацию в стране.

А кто сказал, что мужчина должен обеспечить женщине нормальную жизнь? Женщина способна, если ей не мешают, ее не эксплуатируют, прекрасно содержать себя, при этом реализуя свой ум и талант, способности и творчество. Может быть, речь идет о том, когда у двоих появляется ребенок, за которого по укоренившейся традиции несут ответственность почти только матери, а ответственное родительство стало синонимом ответственного материнства, при этом отцовство все больше уничтожается, с чем многие смирились, а еще большее число мужчин извлекло выгоду для себя и материальную, и моральную — лишь 12 % разведенных отцов исправно платят алименты!! Тогда Вы, мужчины-отцы, содержите не женщину, а совместные плоды либо любви, либо своего «гедонизма». Ведь не зря Ингрид Бергман, известная шведская киноактриса, однажды заметила: «Мужчины делают женщин беспомощными, когда берут на себя все решения, давая им указания. В моей жизни мужчины делали все, чтобы обречь меня на зависимость от них».

Однако не все так «запущено» в данной статье. Прозорливо, с позиции человека, умудренного опытом, а значит, справедливо подмечено:

«Русская женщина была меньше раздавлена советской властью, чем современным состоянием дел. Она [современная женщина] почти наверняка прошла через опыт изнасилования (далее: хамство милиции, несправедливый суд) или, по крайней мере, грубого домогательства, она рассказывает, что начальники постоянно предлагают ей с ними спать; это ставит ее в трудное положение не потому, что она отказывается, а потому, что, переспав с начальником, она рискует потерять работу как использованный кадр... .. Понимаешь, как трудно быть девушкой в современной России. Не дай Бог ею родиться».

Вот и заслужили «диско-девушки» как класс сочувствие, замешанное на ужасе!

И с моей точки зрения, «философия гедонизма — ублюдочна». Ведь из гедонизма проистекает и алкоголизм, и наркомания, и поход в бордель, поскольку не надо заниматься трудной работой души, культивировать в себе человеческое. Но гедонизм является следствием традиционного общества, где от женщины требуют жертвенности ради удовольствия или комфорта другой части. *А давайте попробуем взаиможертвовать!*

Автор считает, что «рынок действительно оказался ловушкой для русской души», и прежде всего, надо полагать, для женской души. «Дело в неспособности к национальной реализации через рынок», — далее утверждает он, претендуя на исключительность в мировом пространстве.

Мне интересно: на самом деле автор статьи считает, что в России существует «рынок» (в цивилизованном понятии), а не «базар», а точнее, «большак», на который выскакивает «оголодавший» с обрезом наперевес, добывая на сегодня и впрок, чтобы увести в Цюрих, добычу-пропитание?

Москва не сразу строилась, так и рынок в России не сразу будет построен: надо его созидать умными и по возможности честными руками, которыми управляет не только хватательный рефлекс. *Рынок для человека, а не человек для рынка.*

«Религиозные идеи самоограничения и моральные основы чести в России никогда не срабатывали», — заявляет автор. А как же жертвенность самой женщины, о чем так скорбит автор? Разве жертвенность-самоотверженность женщины — не крайнее проявление способности самоограничения, приписанное обществом обязательство женщине без права собственного выбора, ставшее само религией?

Очевидно, с трудом расстаются с незаслуженными привилегиями традиционного общества, в котором главенствует мужчина-хозяин и результатами которого «на халяву» столько лет пользовались настоящие «российские мачо». А теперь пусть искривленно, пусть через «базар», а не рынок надо «платить», что, конечно, не нравится. Причем платить, а не бросать милостыню, как это привычно было всегда. Автор жалуется и упреждает: «Растущая сексуальная агрессивность потомства тургеневских девушек делает их более доступными, но менее желанными». А может быть, здесь не «агрессивность», а нормальная искренняя человеческая возможность выразить свою собственную сексуальность, а не обслуживать только мужскую?

Стремление заменить мужскую культуру общечеловеческой вовсе не является признаком ненависти по отношению к мужчинам. Совсем наоборот, поскольку в этом кроется убеждение, что мужчины сами по себе гораздо лучше, чем мужская культура. Процесс мужской эмансипации — более сложный и деликатный процесс, чем освобождение женщин. Феминистки хотят эмансипации мужчин. Феминистки хотят постепенно ликвидировать патриархат и таким образом улучшить отношения между полами. «Честное соревнование полов развивает лучшие качества мужчины», — писала американская писательница-феминистка Шарлотта Перкинс Гилман. И с этим нельзя не согласиться.

Почему рожденные свободными, призванные быть спутниками друг друга должны попадать в подчиненное положение, подавляя свое человеческое достоинство, и не тяготиться этим положением?